

возможности говорить о существовании здесь в XVI–XVII вв. крупных книжных, книгописных центров. Целый ряд из описанных рукописей имеет севернорусское происхождение, как и многие из тех, что были вывезены из Пермского края в XIX–XX вв. и сейчас находятся в разных хранилищах, в основном центральных (РНБ, РГБ и др).

Издание каталога в полной мере откроет для научного сообщества славяно-русские рукописные книги XV–XVII вв. из хранилищ Пермского края.

А.Н. Бикташева (Казань)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРОНТАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ ГУБЕРНАТОРСКИХ ОТЧЕТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Ведомственная документация Министерства внутренних дел, специфика которой порождалась управленческими технологиями, стремилась к унификации служебных голосов, формализации процедур их собирания. Это отразилось в правилах клиширования документов. С 1803 г. в «письмоводстве» утверждались новые формуляры документов, правила ведомственных сношений, порядок канцелярских операций. Заполнение новых формуляров требовало от губернатора не только изложения сути дела, но и его интерпретации, предложений по его разрешению. Жесткая регламентация документальных форм получила окончательное оформление в николаевскую эпоху, когда требование неукоснительного соблюдения формуляра подменяло все многообразие чиновных действий, когда письменная бюрократическая культура, формируя универсум властного пространства, порождала в подданных ощущение единообразия, регулярности и тотального контроля.

Одним из таких массовых документов, пронизывающих властное пространство Российской империи, можно считать «Всеподданнейшие отчеты» губернаторов. Их фронтальное изучение дает неожиданно богатые результаты. Дело в том, что в источниковедении губернаторские отчеты в основном рассматривались без учета порождаемой их среды. Комплексный анализ губернаторской отчетности первой половины XIX в. в рамках одной губернии позволил идентифицировать авторов этих текстов, вычленив в них разные смыслы, риторические формулы и определить текстуальные

стратегии. Благодаря этому стало возможным увидеть «нужды» и проблемы губернии в интерпретации самого губернатора, определить круг его повседневных хозяйственных забот, трудности их реализации.

В настоящее время отчеты казанских губернаторов хранятся в РГИА. Это объемный и до сих пор не опубликованный комплекс делопроизводственных текстов. Существующие по сей день подходы к изучению губернаторских отчетов сложились в рамках советской историографии 1960–1970-х гг. Историки того периода использовали их для проведения социально-экономических исследований, что отразилось на источниковедческой характеристике, которую дали Н.Н. Улащик, Н.П. Дятлова, А.С. Нифонтов и Б.Г. Литвак. С падением в нашей стране интереса к аграрным исследованиям снизилось внимание к губернаторским отчетам. В последнее десятилетие они опять появились в источниковедческих публикациях, но уже в связи с изучением регионального управления в работах П.В. Акульшина, Н.П. Матхановой, А.В. Ремнева, А.С. Минакова

Фронтальное изучение отчетов казанских губернаторов позволило мне откорректировать утверждение Б.Г. Литвака, что унификация этих текстов «оставляла очень мало места для проявления личных качеств и мыслей губернатора, если бы он даже на это решился». Действительно, унификация способствовала «оскудению» языка отчетного материала. Однако она не скрывала инициативы наиболее деятельных губернаторов. К тому же сама эволюция шаблона губернаторского отчета демонстрирует эволюцию отношений верховной власти и правителя губернии.

Так сложилось, что при изучении губернаторских отчетов, исследователи сосредотачивали свое внимание на так называемом «регулярном» этапе их подачи (начиная с 1837 г.), отчего первая треть столетия оказалась неисследованной лакуной. А ведь во времена Александра I отчету отводилась особая роль. Известно, что идеи правоведа И. Бентама активно усваивались в качестве теоретических основ формирования МВД, которое сразу же стало реализовывать обширную программу сбора информации с мест. Это позволило составить первый отчет министра МВД за 1803 г. Опыт предпринятых шагов получил закрепление в циркуляре 4 ноября 1804 г., положившего начало составления ежегодных губернаторских отчетов.

Первоначальный шаблон «Всепогоднейшего отчета» состоял из трех разделов со статистическими приложениями в виде сводных ведомостей. Разделы делились на отделения. Трехчастный шаблон отчета предоставлял возможность каждому губернатору активно участвовать в социальной и экономической жизни страны. Таким образом, добрая треть ежегодного губернаторского отчета посвящалась мнениям, предложениям и инициативам глав губерний. Независимо от того, кто проводил техническую обработку и подготовку отчета, будь то правитель канцелярии или чиновник по особым поручениям, ответственность за его содержание закреплялась подписью губернатора. Наличие подписи губернатора является для меня формальным основанием считать губернаторские отчеты разновидностью персональных текстов. Такой подход к делопроизводственным документам позволяет выявить «персональный голос» начальника губернии в письменных сообщениях и благодаря этому реконструировать несанкционированные инициативы. Вместе с тем опыт соучастия губернаторов в управлении Российской империи оказался обойденным вниманием в отечественной историографии.

Анализ текстовой части отчетов казанских губернаторов Александровской эпохи позволил выделить в них злободневные и устойчивые сюжеты в отношении «местных нужд». При этом просьбы, предложения и убеждения губернатора повторялись из отчета в отчет, пока не появлялись «выписки» или «справки» Комитета министров относительно решения или отклонения ходатайств казанских губернаторов. Это наводит на мысль, что практика повторов в отчетах губернаторов была вызвана не недобросовестностью правителя губернии и его подчиненных, а «медлительностью» рассмотрения заявленных проектов правительством. Об этом свидетельствуют и царские пометы на полях, а также пояснения Комитета министров по рассмотрению дел.

Вероятно, со временем направленность и качество подаваемой отчетности перестало удовлетворять верховную власть, что можно проиллюстрировать изменениями шаблона губернаторских отчетов во времена Николая I (в 1828, 1837, 1842, 1853 гг.). В управлении стал превалировать отраслевой подход, выходящий за рамки компетенций одного министерства. Отчет утратил значение индивидуального донесения. Результатом унификации его нарративной части стало ее упрощение. Клишированный текст «образцовых

отчетов» 1842 и 1853 гг. не требовал от губернаторов выражения собственного мнения или «видов по усовершенствованию». Их личную инициативу можно обнаружить лишь в незначительных по размеру разделах – «виды предположения» и «заключение». По-видимому губернатор перестал ощущать себя соуправителем губернии. Его диалог с императором обрел исполнительную тональность. Те же, кто решался проявить должностную инициативу, могли писать от своего имени непосредственно к императору, а также направлять служебные записки в Министерство внутренних дел.

Итак, изучение отчета как персонального текста губернатора позволяет конкретизировать коммуникативные функции этой разновидности исторических источников. Их фронтальное прочтение делает возможным выявление региональных специфик, приоритетных направлений деятельности начальника губернии, преемственности управленческих стратегий, личного вклада губернатора во «вверенную» ему губернию. Структурные изменения губернаторской отчетности позволяют судить о направленности диалога центра и периферии, исследовать технологии министерского управления.

О.Б.Бокарева (Москва)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПЕРСИДСКИХ» ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. содержат обширную историческую информацию ретроспективного характера первичного и вторичного типов. К первой половине XVII в. относится 7 книг: № 1(6) 1618–1624 гг., 4°, 536 л.; № 2(7) 1629–1711 гг., 4°, 313 л.; № 3(8) 1629 г., 2°, 66 л.; № 4(9) 1640–1643 гг., 4°, 605 л.; № 5(10) 1642–1649 гг., 4°, 312 л.; № 6(11) 1644–1645 гг., 4°, 523 л.; № 7(12) 1649–1650 гг., 4°, 482 л.

При обращении исследователей к информационному потенциалу посольских книг в историографии рассматривались вопросы внешнеполитического, культурного, социально-экономического характера, изучались особенности их возникновения, бытования и структуры, осуществляется поэтапная публикация данных источников (С.М. Каштанов, Н.М. Рогожин, Д.В. Лисейцев, А.В. Беляков, Б.А. Куненков и др.). Исследователи анализировали посольские книги как комплекс исторических источников, содержащих в себе